

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОБЫТИЙНОСТИ В СУДЕБНЫХ РЕЧАХ РУССКИХ АДВОКАТОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Анна Александровна Бондарева

аспирант Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: bondareva-anna@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6469-3446

Аннотация. В статье с позиции риторического и нарратологического анализа рассматривается конструирование событийности в судебных речах русских адвокатов конца XIX – начала XX в. Первая часть работы посвящена формированию судебного красноречия, которое возникло в России после реформы 1864 г. и развивалось под влиянием реалистической литературы, что не могло не сказаться на подходе ораторов к построению нарратива и репрезентации событий. Во второй части статьи разбираются общие черты художественного события и события, лежащего в основе нарратива судебной речи. Как показало исследование, последнее обладает двойственной природой, поскольку одновременно принадлежит действительности и является элементом историй, конструируемых судебными ораторами. В условиях суда присяжных нарратив позволял репрезентировать человеческий опыт, интерпретировать его и выстроить цельное повествование, которое завершал не оратор, а присяжные своим вердиктом. Размытая грань между реальным и фиктивным событием делала характер завершения нарратива принципиально важным для присяжных. Таким образом, выбор конца повествования позволял не только установить положение подсудимого относительно нормы, подтвердить или обратить его переход в новое семантическое поле: более мягкий приговор создавал иллюзию приближения реальности к утопической модели мира, основанной на христианских ценностях. В совокупности с риторическими приемами, которые использовали ораторы (апелляция к этосу в заключительных частях речей и указание на общественное значение вердикта), особенности конструирования событийности в судебных речах оказывали влияние на характер выносимых решений.

Ключевые слова: риторика, судебная риторика, нарратив, событие, повествование, реалистическая литература

Конец XIX – начало XX в. ознаменовался в России бурным развитием двух культурных явлений, во многом определивших характер эпохи, – судебной риторики и реалистической литературы. Это развитие не просто шло параллельно, но находилось в тесной взаимосвязи, которая была обусловлена особенностями формирования традиции судебной риторики в целом.

При пристальном рассмотрении судебных речей, зафиксированных в России на рубеже XIX–XX вв., можно обнаружить, что события и выстраиваемые на их основе повествования обнаруживают сходство с реалистическим сюжетом, но при этом имеют некоторые особенности, влияющие на характер выносимого присяжными решения. Однако, прежде чем непосредственно перейти к феномену событийности, необходимо сказать об особенностях судебного риторики в дореволюционной России и истоках ее формирования.

Возникновение судебного красноречия в России стало результатом реформ Александра II. На смену письменному, тайному и предельно формализованному судопроизводству пришел открытый гласный суд присяжных с полемикой и состязательностью прений, которые должно было обеспечить только что созданное сословие присяжных поверенных, т. е. адвокатов.

Перемены оказались радикальными не только с чисто институциональной точки

зрения, но и с риторической. Если раньше решения принимались судьями на основании формального исследования доказательств и исключительно письменных текстов (документов), то теперь ключевую роль играли присяжные заседатели, к которым и были обращены речи обвинителей и защитников.

В новых условиях и адвокаты, и прокуроры столкнулись с серьезным вызовом, поскольку до сих пор не существовало отечественной традиции судебной риторики. Если следовать делению риторических жанров на полемические и неполемические (к первым относится судебное и совещательное красноречие, а ко второму – эпидейктическое, или торжественное), то можно обнаружить, что в России того периода не существовало площадок и институтов, которые обеспечивали бы дискуссию (например, парламент и совещательные органы власти) [Khazagerov, Bondareva: 296]. Развитое эпидейктическое красноречие не могло стать полноценным фундаментом для формирования судебного красноречия, поскольку в его основе лежала совершенно иная прагматика.

Эпидейктическая риторика по своей сути церемониальна, она сплачивает общество и поддерживает его единство, обращаясь к общим для группы ценностям [Sheard: 766]. Слушатель торжественной речи оценивает ее преимущественно с эстетической точки зрения, а успех оратора зависит от его

способности воспринимать реальность под тем же углом, что и аудитория [Sullivan: 343]. Подобный подход противоположен тому, что характерно для судебной риторики, где на первый план выходит аргументация, а слушатель оказывается в роли не наблюдателя, оценивающего способности оратора, а судьи [Tindale: 517; Аристотель: 76–77].

Оказавшись перед лицом серьезного риторического вызова, адвокаты рубежа XIX–XX вв. могли обратиться к опыту европейских стран, где уже существовал суд присяжных. Известно, что адвокаты Российской империи не просто были хорошо знакомы с достижениями зарубежных ораторов – они подвергали их риторику пристальному и тщательному анализу и даже публиковали статьи, в которых делились результатами собственных исследований в этой области (см. например: [Карабчевский]). Однако европейский опыт судебной риторики далеко не всегда оказывался подходящим с эстетической, а временами и этической точки зрения, поэтому в данном случае едва ли возможно говорить о каких бы то ни было значительных заимствованиях [Кони: 169].

В сложившейся ситуации судебные ораторы обратились к опыту реалистической литературы [Khazagerov, Bondareva: 293], что представляется логичным следствием литературоцентричности русской культуры того времени. Как писал И.В. Кондаков, функционирование литературы одновре-

менно и как культурного, и как социального текста приводит к диалогу и взаимопроникновению «включенной» в литературу словесности и языка внелитературной культуры, апеллирующих к читающей и мыслящей публике [Кондаков: 15–16].

В случае с русскими адвокатами подобное обращение к литературе не только носило обусловленный спецификой самой культуры характер, но и являлось следствием вполне осознанного выбора. О наличии подобной установки говорит, во-первых, тот факт, что ключевые фигуры судебной риторики рассматриваемого периода активно занимались публицистической и переводческой деятельностью, литературным творчеством и даже вели литературоведческие исследования, как, например, В.Д. Спасович, принявший активное участие в создании «Истории славянских литератур» Пыпина [Пыпин]. Во-вторых, адвокаты, которые подвергали тщательнейшей рефлексии свою ораторскую деятельность (еще одна весьма любопытная черта судебной риторики того времени), прямо писали о необходимости обращаться к художественной литературе.

Показательна в этом плане работа «Об уголовной защите» адвоката С.А. Андреевского, в которой автор писал о русской литературе как источнике полезных для судебных ораторов приемов и психологических наблюдений, которые можно почерпнуть у А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского:

«Я нашел, что простые, глубокие, искренние и правдивые приемы нашей литературы в оценке жизни следует перенести в суд. <...> Нельзя было пренебрегать столь могущественным средством, воспитавшим многие поколения наших судей в их домашней обстановке» [Андреевский: 287–288].

Адвокат также писал о пользе обращения к произведениям Шекспира и пристального изучения поэзии, которая способна развить стремление к точности и благозвучию речи [Там же].

Впрочем, и это отмечалось современниками, позиция С.А. Андреевского, который видел в судебном ораторе говорящего писателя и художника, в этом вопросе временами доходила до крайности, но тот факт, что связь художественной литературы и судебного красноречия была естественной и органичной для деятелей того времени, представляется значимой чертой судебного красноречия рубежа XIX–XX вв.

Таким образом, многие приемы и даже целые речевые жанры, свойственные художественной литературе, перенимались судебными ораторами. Обилие описаний, создание психологических портретов, включение развернутых диалогических структур и имитаций чужой речи во всей совокупности ее индивидуальных особенностей – все это прослеживается в судебных речах [Бондарева 2022].

Особую окраску обретали в судебных речах и повествования, которые зачастую

включали в себя элементы описания. Обусловлено это было, в первую очередь, чисто практическими задачами: защитникам было необходимо восстановить ход событий и так нарисовать подробную картину произошедшего, чтобы слушатели могли ясно и четко представить себе события, предшествовавшие преступлению, время и место его совершения, действия фигурантов дела и их психологическое состояние. Для решения этой задачи в условиях суда присяжных, где приговор зависел от людей, происходивших из самых разных сословий (так, в одной коллегии могли одновременно оказаться дворяне, купцы и крестьяне) и где отсутствовали качественные визуальные средства, было невозможно обойтись простым перечислением фактов, сухим описанием результатов экспертизы и изложением фабулы дела. Ораторы были вынуждены прибегать к более сложным стратегиям, которые выражались не только в использовании разнообразных средств художественной выразительности, но и в особой организации повествовательных структур, которые выстраивались на основе события, т. е. преступления.

Событие, которое оказывается в центре судебной речи, имеет двойственный характер, поскольку оно, с одной стороны, принадлежит объективной действительности, а с другой – становится предметом речи и элементом создаваемого оратором нарратива.

Нарратив – неотъемлемый элемент судебной коммуникации, и в особенности суда присяжных. Несмотря на то что некоторые участники судебной сферы отвергают идею о необходимости осмысления нарративов, большинство все же согласно с тем, что нарративизация и как создание истории с действующими лицами, определенным контекстом, событиями и элементами сюжета, и как репрезентация человеческого опыта играет ключевую роль в придании действиям смысла и даже служит формированию идентичности [Olson: 20].

Начиная с момента, когда клиенты обращаются к адвокатам, они рассказывают истории, которые адвокат затем пересказывает в форме доводов и доказательств присяжным; затем присяжные пересказывают услышанные истории сами себе и друг другу, вынося вердикт; потом наступает очередь журналистов... – это бесконечное рассказывание и пересказывание историй является естественной частью судебной сферы, ведь именно так участники процессов воспринимают лежащие в основе дел цепочки событий [Amsterdam & Bruner: 110]. Однако нарратив в судебном дискурсе представляет собой не просто хроникальное перечисление событий, но и их интерпретацию; он позволяет собрать отдельные события и связать их в цельный сюжет, который имеет начало и конец и без которого восприятие слушателей неминуемо бы рассеивалось [Hanne &

Weisberg: 2, 9]. Это позволяет связать нарратив судебной речи с поэтическими законами построения интриги, сформулированными еще Аристотелем в «Поэтике» [Аристотель].

В то же время нарративизация приводит к сближению судебной речи с художественным текстом, прагматика которого иная. Эта идея была разработана и весьма убедительно представлена рядом современных школ, среди которых следует упомянуть «право и литература» (The Law and Literature movement), представители которой показали, в какой степени юристы используют стратегии повествования, позаимствованные у художественной литературы, и как их можно проанализировать с точки зрения теории литературы [Hanne & Weisberg: 2, 9]. Особенно интересна в этой связи работа “The Legal Imagination” Дж.Б. Уайта, которая, как принято считать, положила начало этой школе [White].

Следует отметить, что судебная речь, безусловно, не сводится только к нарративу, поскольку в ней обязательно должны присутствовать аргументация и логические операции [Burns: 36–38].

Как показали упомянутые исследования, оратор отдает большее предпочтение нарративу или аргументации в зависимости от специфики аудитории, характеристик дела или же собственного стиля [Бондарева 2018]. Так, А.Ф. Кони в своих судебных речах больший акцент делал на аргументацию и экс-

пликацию логических операций, его речи в целом менее «живописны», чем, например, речи Н.П. Карабчевского, делавшего упор на нарратив с использованием метафор, диалогических структур, частой сменой фокуса. Преобладание аргументативной составляющей, которое было бы обусловлено спецификой аудитории, можно наблюдать в речи Ф.Н. Плевако по делу о стачке рабочих на фабрике товарищества Саввы Морозова, которая произносилась не перед присяжными, а перед судьями. Что же касается случаев, когда определяющими становятся характеристики конкретного дела, то здесь можно привести в качестве примера еще одну речь Ф.Н. Плевако, а именно его выступление по делу П.П. Качки, обвинявшейся в убийстве. Речь была построена с упором на историю, поскольку преступление было совершено в людном месте, на глазах множества свидетелей. Выстраивать логические цепочки для анализа доказательств и воссоздания вероятного хода событий не было никакой необходимости, и защитнику, в сущности, ничего не оставалось, кроме как средствами нарратива показать непростую жизнь подсудимой, влияние на нее среды и обстоятельств, а затем призвать присяжных проявить к ней христианское милосердие. Здесь, на наш взгляд, наглядно предстает способность нарратива не просто когерентно репрезентировать человеческий опыт, но и определенным образом интерпретировать его.

Итак, событие, будучи предметом судебной речи, становится частью нарратива. Судебные ораторы рубежа XIX–XX вв. выстраивали повествование, используя ряд приемов, характерных для художественной прозы: сюда относятся диалоги, разнообразные средства изобразительности, имитация прямой речи, смена нарративного фокуса. При этом репрезентированный посредством нарратива факт оказывается чрезвычайно схожим с художественным событием.

Переходя к вопросу события в художественном тексте, обратимся к классическому труду Ю.М. Лотмана «Структура художественного текста», в рамках которой было предложено емкое и точное определение события как «перемещения персонажа через границу семантического поля», как уклонения от нормы, «нарушения некоторого запрета, факта, который имел место, хотя не должен был его иметь» [Лотман: 282–286]. (Примечательно, что в русском языке семантика слова «преступление» уже несет в себе идею пересечения некой границы, перехода в новое состояние).

Компонуя события в связную структуру, автор группирует их друг с другом, исключая при этом некоторые из них как недостаточно существенные [Danto: 132]. В случае судебных речей присутствует схожий процесс, который, однако, воплощается не в отборе событий, которые необходимо показать или, напротив, обойти молчанием (последнее

в принципе контрпродуктивно с риторической точки зрения, поскольку у судебного оратора всегда есть оппонент, который пристально следит за неточностями и обращает их против говорящего), а посредством риторического *выдвижения*, расстановки акцентов, что позволяет создать иерархию значимости событий или явлений. Эта иерархия может существенно отличаться от той, которая сформировалась в сознании аудитории ранее, и привести к реинтерпретации событий. Примером может служить суд над группой удмуртов, обвинявшихся в ритуальном убийстве, – так называемое Мултанское дело. К началу слушаний общественность была настроена против подсудимых и убеждена в их виновности, однако Н.П. Карабчевскому удалось сместить акценты и актуализировать новые детали таким образом, что обвинения против удмуртов оказывались такими же необоснованными, как и обвинения, выдвигавшиеся против ранних христиан и их религиозных практик.

В художественном повествовании, как пишет Лотман, есть мифологический план, который моделирует весь универсум, и фабульный, отображающий эпизод действительности: «Этим раскрывается двойная природа художественной модели: отображая отдельное событие, она одновременно отображает и всю картину мира <...>» [Лотман: 258, 264]. Примечательно, что подобное сочетание планов прослеживается и в судебных

речах. Разбираясь в подробностях и причинах отдельных преступлений, адвокаты затрагивали общественные и политические вопросы, моделировали ценностную картину мира. Особенно ярко это прослеживается в вопросе влияния среды на человека: адвокаты нередко показывали, что именно внешние обстоятельства, неблагоприятные условия жизни и воспитания толкают человека на преступление, за что нередко подвергались критике: так, например, Ф.М. Достоевский считал подобный подход вредным и в корне противоречащим нравственному долгу христианина, который должен бороться с негативным влиянием среды [Бондарева 2022]. Рассматривая отдельное событие (преступление), адвокаты, совсем в духе писателей-реалистов XIX в., стремились выявить типическое и в результате затрагивали вопросы общественного и государственного значения, чем не раз навлекали на себя недовольство власти [Казанцев: 14]. В пародийном ключе эту черту судебного красноречия второй половины XIX в. выразил Ф.М. Достоевский, который в романе «Братья Карамазовы» вложил в уста адвоката Фетюковича фразу: «Недаром эта трибуна дарована нам высшею волей – с нее слышит нас вся Россия. Не для здешних только отцов говорю, а ко всем отцам восклицаю...» [Достоевский: 170].

Отображение частной и общей картины мира в художественном тексте, как пишет Лотман, приводит к тому, что для рецепи-

ента принципиально важным становится хороший или плохой конец повествования, поскольку он «свидетельствует не только о завершении того или иного сюжета, но и о конструкции мира» [Лотман: 264]. При этом конечный эпизод может служить отправной точкой нового повествования, конец может осознаваться как начало новой истории [Там же].

Что же можно считать концом повествования в судебной речи? Здесь, на наш взгляд, кроется самая интересная особенность события в повествовательных структурах судебной речи. И связана она, главным образом, с ролью присяжных.

Если вслед за В.И. Тюпой, рассматривавшим нарративные высказывания как «широко употребительный, но специфический способ текстообразования» [Тюпа], обратиться к М.М. Бахтину, то можно увидеть, что в интерпретации последнего произведение состоит как бы из двух событий: об одном рассказано в произведении, а второе является событием самого рассказывания, в котором участвуют слушатели-читатели:

«События эти происходят в разные времена (различные и по длительности) и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте <...> Мы воспринимаем эту полноту в ее целостности и нераздельности, но одновременно

понимаем и всю разность составляющих ее моментов» [Бахтин: 403–404].

В отличие от читателей художественного текста присяжные одновременно оказываются реципиентами нарратива, который моделирует судебный оратор на основе события, а с другой стороны, являются непосредственными участниками реальных событий как люди, которым необходимо сформировать собственное суждение и вынести вердикт. Они активно сопричастны событию. При этом грань между реальным событием и событием фиктивным, развернутым в нарративе, в судебной речи размывается, что видно, скажем, в заключительных частях, где ораторы обращались к присяжным с призывами сделать «последним делом такого свойства в летописях русского процесса» [Александров: 119] или же своим приговором «создать принципиально новую нравственную силу, перед которой должны будут преклоняться» [Хартулари: 802–803].

Принимая решение, присяжные должны были поставить точку в повествовании, самостоятельно завершить нарратив и «дописать» конец истории. Если принять во внимание близость события в повествовательных структурах судебных речей с событием в реалистической художественной прозе, а также тот факт, что нарратив в суде вовлекает слушателей в повествование, побуждая их представлять себя в качестве протагони-

ста и описываемые события как новый опыт [Winter: 2276–2277], то можно заключить, что характер завершения нарратива становится для присяжных принципиально важным, поскольку он будто бы оказывает действие не только на подсудимого, который или остается в новом семантическом поле (признается преступником), или же вернется в старые границы как человек, не вышедший за пределы нормы, но и на саму действительность.

Вынося более мягкий или вовсе оправдательный приговор, присяжные не просто решали судьбу реального человека, но и старались установить в реальном мире царство правды, справедливости и христианского милосердия. Хороший конец подразумевал приближение к утопическому идеалу, который оказывался выше норм закона и принципов его применения. Неслучайно судебные ораторы завершали свои выступления эмоциональной апелляцией к этосу, подчеркивая значимость решения по делу для всего общества и для торжества справедливости. Ф.Н. Плевако в финале речи в защиту Лютирических крестьян восклицал: «Верю я, что вы скажете сегодня: “Молчи, закон, настало время благодати!”» [Плевако: 311–312].

Можно предположить, что именно поэтому приговоры суда присяжных конца XIX – начала XX в. бывали такими мягкими, а преступник нередко оправдывался, даже если существовали явные доказательства его вины: хороший конец нарратива не про-

сто завершал событие – он преобразовывал конструкцию мира в целом. Точнее, создавал иллюзию этого преобразования.

Литература

Александров, П.А. Дело Сарры Модебадзе // Судебные речи известных русских юристов / под ред. М.М. Выдря. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 77–119.

Андреевский, С.А. Об уголовной защите // Избранные труды и речи. Тула: Автограф, 2000. С. 285–312.

Аристотель. Поэтика. Риторика / пер. В. Аппельрота, Н. Платоновой. М.: Азбука-Аттикус, 2015.

Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.

Бондарева, А.А. Общие места и метафоры в дореволюционном русском судебном красноречии: выпускная квалификационная работа. Дис. ... магистра филол. н. Ростов-на-Дону, 2018.

Бондарева, А.А. Роль судебного красноречия в развитии литературного языка (на материале русского судебного и художественного дискурсов рубежа XIX–XX вв.). Научно-квалификационная работа аспиранта. Ростов-на-Дону, 2022.

Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы. Книги XI–XII. Эпилог // Достоевский Ф.М. Собр. соч. В 30 тт. / под ред. В.Г. Базанова, Г.

М. Фридлиндера, В. В. Виноградова. М.: Наука, 1976. Т. 15.

Казанцев, С.М. «Судебная республика» в царской России // Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864–1917 гг. Л.: Лениздат, 1991. С. 3–20.

Карабчевский, Н.П. Современная французская адвокатура и новая школа судебного красноречия (По поводу книги Léon Clèry “Souvenirs du Palais”) // Около правосудия. Статьи, сообщения и судебные очерки. СПб.: Типография СПб. Т-ва Печатн. и издат. дела «Труд», 1902. С. 1–41.

Кондаков, И.В. По ту сторону слова. Кризис литературоцентризма в России XX–XXI веков // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 5–44.

Кони, А.Ф. С.А. Андреевский (По личным воспоминаниям) // Собр. соч. В 8 тт. М.: Юридическая литература, 1968. Т. 5. С. 166–183.

Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.

Плевако, Ф.Н. Дело люторических крестьян, обвиняемых в сопротивлении властям. Речь в защиту подсудимых // Плевако Ф.Н. Речи. Т 1. М.: Типография В.М. Саблина, 1912. С. 300–312.

Пыпин, А.Н. История славянских литератур. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1879.

Тюпа, В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова). Тверь: Твер. гос. ун-т., 2001

[Электронный ресурс]. URL: <http://chehovlit.ru/chehov/kritika/tyupa-narratologiya-arhierej/index.htm> (дата обращения: 15.09.2022).

Хартулари, К.Ф. Дело Левенштейн // Хартулари К.Ф. Судебные речи известных русских юристов / под ред. М.М. Выдря. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 792–803.

Amsterdam, A.G., & Bruner, J. (2000). *Minding the law: how courts rely on storytelling, and how their stories change the ways we understand the law – and ourselves.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Burns, R. (1999). *A theory of the trial.* Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Danto, A.C. (1965). *Analytical philosophy of history.* London: Cambridge University Press.

Hanne, M., & Weisberg, R. (2018). Introduction. In M. Hanne, & R. Weisberg (Eds.), *Narrative and metaphor in the law.* Cambridge: Cambridge University Press, 1–11.

Khazagerov, G.G., & Bondareva, A.A. (2019). Rhetorical platforms and the development of the Russian literary language: judicial oratory. *Communication Studies (Russia)*, 6 (2), 292–304. DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(2).292-304

Olson, G. (2018). On narrating and troping the law: the conjoined use of narrative and metaphor in legal discourse. In M. Hanne, & R. Weisberg (Eds.), *Narrative and metaphor in the law.* Cambridge: Cambridge University Press, 19–36.

Sheard, C.M. (1996). The public value of epideictic rhetoric. *College English*, 58 (7), 765–794. DOI: 10.2307/378414

Sullivan, D. L. (1993). The epideictic character of rhetorical criticism. *Rhetoric Review*, 11 (2), 339–349.

Tindale, C.W. (2013). Rhetorical argumentation and the nature of audience: toward an understanding of audience – issues in argumentation. *Philosophy & Rhetoric*, 46 (4), 508–532. DOI: 10.5325/philrhet.46.4.0508

White, J.B. (1985). *The legal imagination*. Chicago, London: The University of Chicago Press.

Winter, S.L. (1989). The cognitive dimension of the agon between legal power and narrative meaning. *Michigan Law Review*, 87 (8), 2225–2279. <https://doi.org/10.2307/1289304>

References

Aleksandrov, P.A. (1957). Delo Sarry Modebadze [Sarra Modebadze case]. In M.M. Vydrya (Ed.), *Sudebnyye rechi izvestnykh russkikh yuristov* [Speeches of Russian lawyers]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 77–119.

Amsterdam, A.G., & Bruner, J. (2000). *Minding the law: how courts rely on storytelling, and how their stories change the ways we understand the law – and ourselves*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Andreyevskiy, S.A. (2000). Ob ugolovnoy zashchite [On criminal defense]. In

S.A. Andreyevskiy, *Izbrannyye trudy i rechi* [Selected works and speeches]. Tula: Avtograf, 285–312.

Aristotle (2015). *Poetika. Ritorika* [Poetics. Rhetoric] (V. Appel'rot, & N. Platonova, Trans.). Moscow: Azbuka-Attikus.

Bakhtin, M.M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Bondareva, A.A. (2018). *Obshchiye mesta i metafory v dorevolutsionnom russkom sudebnom krasnorechii* [Common places and topoi in pre-revolutionary Russian judicial oratory] (MA Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

Bondareva, A.A. (2022). Rol' sudebnogo krasnorechiya v razvitii literaturnogo yazyka (na materiale russkogo sudebnogo i khudozhestvennogo diskursov rubezha XIX–XX vv.) [The impact of judicial rhetoric on the development of language (the case study of Russian judicial and literary discourse of the late 19th – early 20th c.)] (PhD graduate dissertation. Southern Federal University, Rostov-on-Don).

Burns, R. (1999). *A theory of the trial*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Danto, A.C. (1965). *Analytical philosophy of history*. London: Cambridge University Press.

Dostoevsky, F.M. (1876) Brat'ya Karamazovy. Knigi XI–XII. Epilog [The Karamazov Brothers. Parts XI–XII. Epilogue]. In V.G. Bazanov, G.M. Fridlender, V.V. Vinogradov

(Eds.), *F.M. Dostoyevsky. Sobraniye sochineniy v 30 tt.* [F.M. Dostoyevsky Complete works in 30 volumes] (Vol. 15). Moscow: Nauka.

Hanne, M., & Weisberg, R. (2018). Introduction. In M. Hanne & P. Weisberg (Eds.), *Narrative and metaphor in the law*. Cambridge: Cambridge University Press, 1–11.

Kazantsev, S.M. (1991). “Sudebnaya Respublika” v tsarskoĭ Rossii [“Judicial Republic” of czarist Russia]. In S.M. Kazantsev, *Sud prisyazhnykh v Rossii: Gromkiye ugovnyye protsessy 1864–1917 gg.* [Jury court in Russia: High-profile criminal cases from 1864–1917]. Leningrad: Lenizdat, 3–20.

Karabchevskiy, N.P. (1902). *Sovremennaya frantsuzskaya advokatura i novaya shkola sudebnogo krasnorechiya.* (Po povodu knigi Léon Cléry “Souvenirs du Palais”) [The modern French judicial rhetoric (On Léon Cléry’s work “Souvenirs du Palais”)]. In N.P. Karabchevskiy, *Okolo pravosudiya. Stat’i, soobshcheniya i sudebnyye ocherki* [On justice. Articles, reviews, and essays]. Saint-Petersburg: Trud, 1–41.

Khartulari, K.F. Delo Levenshteyn [Levenstein case]. In M.M. Vydrya (Ed.), *Sudebnyye rechi izvestnykh russkikh yuristov* [Speeches of Russian lawyers]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel’stvo yuridicheskoy literatury, 792–803.

Khazagerov, G.G., & Bondareva, A.A. (2019). Rhetorical platforms and the development of the Russian literary language: judicial oratory. *Communication Studies (Russia)*, 6 (2), 292–304. DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(2).292-304

Kondakov, I.V. (2008). Po tu storonu slova. Krizis literaturotsentrizma v Rossii XX–XXI vekov [Beyond the word. The crisis of literature centrism in 20th– 21st c. Russia]. *Voprosy Literatury* [The Issues of Literature], 5, 5–44.

Koni, A.F. (1968). S.A. Andreyevskiy (Po lichnym vospominaniyam) [S.A. Andreyevskiy. Personal reminiscences]. In A.F. Koni, *Sobraniye sochineniy v 8 tt.* [Complete works in 8 volumes] (Vol. 5). Moscow: Yuridicheskaya literatura, 166–183.

Lotman, Yu.M. (1970). *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of artistic text]. Moscow: Iskusstvo.

Olson, G. (2018). On narrating and troping the law: The conjoined case of narrative and metaphor in legal discourse. In M. Hanne, & R. Weisberg (Eds.), *Narrative and metaphor in the law*. Cambridge: Cambridge University Press, 19–36.

Plevako, F.N. (1912). Delo lyutoricheskikh krest’yan, obvinyayemykh v soprotivlenii vlastyam. Rech’ v zashchitu podsudimyykh [The speech in defense of Lutorichi peasants]. In F.N. Plevako, *Rechi* [Speeches] (Vol. 1). Moscow: Tipografiya V.M. Sablina, 300–312.

Pypin, A.N. (1879). *Istoriya slavyanskikh literatur* [The history of Slavic literatures]. Saint-Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.

Sheard, C.M. (1996). The public value of epideictic rhetoric. *College English*, 58 (7), 765–794. DOI: 10.2307/378414

Sullivan, D.L. (1993). The epideictic character of rhetorical criticism. *Rhetoric Review*, 11 (2), 339–349.

Tindale, C. W. (2013). Rhetorical argumentation and the nature of audience: Toward an understanding of audience – issues in argumentation. *Philosophy & Rhetoric*, 46 (4), 508–532. DOI: 10.5325/philrhet.46.4.0508

Тюпа, В.И. (2001). *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa ("Arkhiyerey" A.P. Chekhova)* [Narratology and the analysis of narrative discourse ("The Bishop" by A.P. Chekhov)]. Tver': Tver' State University.

Retrieved from: <http://chehov-lit.ru/chehov/kritika/tyupa-narratologiya-arhierej/index.htm> (date of access: 15.01.2023).

White, J. B. (1985). *The legal imagination*. Chicago, London: The University of Chicago Press.

Winter, S. L. (1989). The cognitive dimension of the agon between legal power and narrative meaning. *Michigan Law Review*, 87 (8), 2225–2279. <https://doi.org/10.2307/1289304>

Для цитирования: Бондарева, А.А. Конструирование событийности в судебных речах русских адвокатов конца XIX – начала XX в. // *Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований*. 2023. Т. 8. № 1. С. 147–160. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-1-147-160

For citation: Bondareva, A.A. (2023). Event construction in legal narrative of Russian lawyers of the late 19th – early 20th century. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (1), 147–160. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-1-147-160

EVENT CONSTRUCTION IN LEGAL NARRATIVE OF RUSSIAN LAWYERS OF THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURY

Anna A. Bondareva, PhD Student, Institute of Philology, Journalism and Cultural Communications, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia): e-mail: bondareva-anna@yandex.ru

Abstract. The article is focused on the analysis of event construction in courtroom speeches presented by Russian lawyers in the late 19th – early 20th century from rhetorical and narrative perspectives. The first part of the article is devoted to the development of judicial rhetoric after the reform of Alexander II (1864). It was strongly influenced by realistic writing tradition, which could not but contribute to the adoption of various literary strategies, including the approach to narration and representation of events. In the second part, we turn to the features common both for events in fiction and events that lie in the core of courtroom speech narrative. During the jury trials, narrative not only represented the human experience but also interpreted it and enabled lawyers to construct stories final parts of which could be consummated only by the verdict of the jury. It is concluded that the blurred line between real and constructed event made the narrative closure fundamentally important for the jury. Their choice of ending not only defined the position of the accused in one of the semantic fields but also created an illusion that the lenient sentence could approximate the reality to the utopian model of the world based on Christian values. In conjunction with the rhetorical strategies used by lawyers in courtrooms, the specific features of event construction could influence the decision-making of the jury.

Key words: rhetoric, judicial rhetoric, narrative, event, narration, literary realism, court speeches

